

Новое
Литературное
Обозрение

ЕВГЕНИЙ БУНИМОВИЧ

ВРЕМЯ ДРУГИХ

Книга про поэтов

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА

2024

УДК 821.161.1-1(091)(47+57)«19»

ББК 3.3(2=411.2)63-45

Б91

Бунимович, Е.

Б91 Время других: Книга про поэтов / Евгений Бунимович. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 192 с.: ил. (Серия «Критика и эссеистика»)

ISBN 978-5-4448-2577-8

«А еще я писал эту книгу, книгу про поэтов, книгу рассказов, эссе, воспоминаний о нашей ошалелой поэтической юности, книгу прощаний, книгу о тех, кого нет, и о тех, кто далече. И однажды я понял, что именно эта книга про время других». В книгу Евгения Бунимовича вошли эссе, стихи и воспоминания, посвященные «параллельной культуре» — литературному андерграунду конца XX века, давшему целое поколение замечательных поэтов, так называемое «поколение дворников и сторожей». Среди героев — создатели московского концептуализма Д. А. Пригов, Лев Рубинштейн, «король поэтов» Александр Ерёменко, Юрий Арабов, Нина Искренко и многие другие звезды поэтического подполья легендарной эпохи «граждан ночи». Евгений Бунимович — поэт, прозаик, эссеист, публиковавшийся во многих странах мира, редактор-составитель антологий современной русской поэзии, вышедших в Бельгии, Франции, Канаде, США.

УДК 821.161.1-1(091)(47+57)«19»

ББК 3.3(2=411.2)63-45

© Е. Бунимович, 2024

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2024

© 000 «Новое литературное обозрение», 2024

Содержание

Время других	7
Чувство прекрасного	8
<i>Общежитие театра</i>	18
Парщиков. Извне	21
<i>Не надо. Мы не на параде...</i>	26
Территория свободного дыхания, или Несколько слов о студии Ковальджи	27
<i>Надпись на книге стихов Нины Искренко «ИЛИ»</i>	35
Ерёма. Десять флешбэков и одни похороны	36
<i>Поколение. Александру Ерёменко</i>	53
<i>Разве выносимо расставаться...</i>	54
<i>хоккей раз хоккей два хоккей три</i>	55
<i>Зеркало пересыхает...</i>	56
Кинжал Заремы	57
<i>Ночной диалог. Д. А. Пригову</i>	68
Фрагменты одной жизни и одной реки	69
<i>Неглинная река</i>	80
Искренковский праздник поэзии	82
<i>Памяти Нины Искренко</i>	95
Критическая масса	97
<i>возникла еще во студенчестве моем...</i> <i>Джону Хаю</i>	107

Случай в ДК «Дукат», или Несколько слов о клубе «Поэзия»	109
<i>Основания для паники не вижу... Марку Шатуновскому</i>	124
Арабов, или Лунная соната задом наперед	125
<i>Сутулые фонари... Юрию Арабову</i>	136
Фактор лошади	137
<i>Памяти одного из</i>	145
Запоздалые признания, или Несколько слов о Волгинской студии	147
<i>Да-да, стивались трудовые коллективы...</i>	161
Тюрьма и воля	162
Встретимся у Мандельштама	172
О некоторых упомянутых в книге поэтах и институциях	178

Время других

Так я думал назвать совсем другую книгу — книгу нечастых моих стихов последних лет, книгу о времени, которое перестаю ощущать, понимать, принимать...

А еще я писал эту книгу, книгу про поэтов, книгу рассказов, эссе, воспоминаний о нашей ошалелой поэтической юности, книгу прощаний, книгу о тех, кого нет, и о тех, кто далече. И однажды я понял, что именно эта книга про время других. Это мы были другие — поколение, которое потом назвали «гражданами ночи», «поколением дворников и сторожей», «параллельной культурой», «московским андеграундом», как еще? Поколение, о котором я тогда же, в начале восьмидесятых, писал:

В пятидесятых — рождены,
в шестидесятых — влюблены,
в семидесятых — болтуны,
в восьмидесятых — не нужны...

Чувство прекрасного

1

Я ушел из дома неизвестно куда.

То есть и мне самому тоже было неизвестно — куда.

Где ночевать? Где жить?

Город большой, друзей много.

Очень большой. Очень много.

Устроится. Найдется.

Безличная форма глаголов успокаивала. Саднило другое.

Тяжелая, безысходная ссора с родителями.

Мы жили все вместе — родители, семья старшего брата, еще и мы с Наташей и сыном Данилой трех лет от роду. И не было никакой возможности жить самим, отдельно.

Почему — долго объяснять. Абсурд тогдашних законов. Тупик.

Единственный выход — размен квартиры, но родители хотели жить с нами. А мы хотели жить сами.

В общем, я ушел.

Брать с собой в никуда жену с сыном не решился. Оставил в за-
ложниках.

Поехал на Патриаршие. Зачем? Не знаю. Просто любил эти места с детства.

В глубине двора на углу Бронных (Большой, которая поменьше, и Малой, которая побольше) увидел за деревьями загадочных зеленых человечков. В нелепых колпаках с бубенчиками.

Доигрался. Средь бела дня такое мерещится.

Шел куда глаза глядят, в итоге глаза глядят на зеленых человечков. С бубенчиками. Наваждение. Зажмурился, тряхнул головой.

Человечки не пропали. Еще и закурили.

Бежать, не оглядываясь...

Однако абстрактно-логическое рационально-математическое левое полушарие мозга не позволило эмоциональному правому капитулировать перед необъяснимым.

Стоп. Разобраться, понять, что со мной. Пока не поздно.

Если что — аптека рядом. Бегал когда-то бабушке за лекарствами, знаю.

Если что?

Пригляделся. Один из торопливо и нервно куривших зеленых человечков показался знакомым. Виталик?

Того хуже. Бред наяву, да еще визуально-конкретный. Измененное сознание?

К черту оба полушария. Бежать, не оглядываясь...

Зеленый человечек — вроде как Виталик — приветственно замаяхнул мне обеими руками.

Ну да, конечно он. Даже руками маяхнул не как все, а крупно, нарочито, по-актерски.

Ну хоть не бред, не белая горячка — детский спектакль с утра пораньше. Волшебник Изумрудного города. Массовка, выскочившая в антракте во внутренний театральный дворик покурить.

2

С Виталиком мы познакомились за пару лет до.

На «встрече творческой молодежи», для которой нас специально свезли в подмосковный Дом творчества.

Предложение поехать исходило от того самого комсомола, из которого меня прямо перед тем активно выгоняли. Причем не за что-нибудь пристойное, за пьянку там или аморалку, а за политику.

Наташа сказала: «Зря отказываешься. Поехал бы на пару дней — хоть отоспишься».

Сыну было месяца два-три, не больше, орал он ночами нещадно, а рано поутру надо было двигаться в школу — учительствовать.

На первых уроках глаза слипались, язык с трудом поворачивался. Спасая себя, мучил детей: давал бесконечные самостоятельные и контрольные.

Для мыслей о высоком предназначении, о незапятнанной репутации представителя параллельной культуры, андеграундного поэта, которому запахло идти на какие-то сделки и компромиссы с властью, места в бессонной голове оставалось все меньше.

Я малодушно согласился.

В школе меня отпустили, поскольку бумага была из ЦК комсомола.
— Так вы комсомолец? — удивленно спросил директор.

Я неопределенно пожал плечами.

К назначенному часу прибыл на побывку к воротам комсомольско-го дома в Колпачном переулке, где незадолго до того меня и выгоняли. Тьма. Холод. Декабрь.

Явился вроде на рассвете, но все равно опоздал.

Охранник у ворот долго искал меня в списках допущенных. Поставил галку.

— Зайдете в здание, там уже выступает секретарь ЦК, потом вы все садитесь вон в те автобусы и едете.

Оглянулся в поисках пути к отступлению. Поздно.

Вдоль переулка в ожидании творческой молодежи томились пустые автобусы с опознавательными надписями на ветровых стеклах...

Обнаружил автобус с биркой «Писатели», залез, добрался до заднего сиденья, отключился.

Проснулся от натужного чихания нашего с трудом заводившегося автобуса.

На моем плече спал некий субъект, которого тоже вскоре разбудил внезапно оживший автобус.

Познакомились: Климонтович, Коля, прозаик. Позже выяснилось, что он закончил ту же, что и я, Вторую математическую школу — на пару лет раньше. Разминулись.

Автобус постепенно заполнялся прослушавшими напутственную речь.

Заглянувший к нам сопровождающий, раздавая листочки с программой, торопливо сообщил, что место, куда поедет, хорошее, номера на двоих, кормить будут, развлекать тоже. Строго напомнил про сухой закон. Никто не улыбнулся.

К сожалению, я знал практически все входившие в автобус молодые и не очень молодые дарования. Селиться в номер было не с кем. Эта пьянь выпасться не даст.

Новый знакомый Климонтович тоже доверия не вызывал, сам был с очевидного похмелья.

Планы рушились. Незапятнанная андеграундная репутация сливалась псу под хвост.

И тут в автобус вошел незнакомец из иного мира.

Свежий воротничок из-под свитерка, аккуратная курточка, спортивная сумка в одной руке, ракетки для бадминтона в другой.